

Сы Юэ осторожно поднял руку и кончиками пальцев коснулся чешуи за ухом Бай Цзяня. Подушечки ощутили влажный лёд — словно прикоснулся к лезвию ножа. Холод мгновенно прострелил от пальцев по всему телу.

Сейчас Бай Цзянь был не таким, как обычно. Обращаться с ним следовало крайне осторожно.

В идеале — спать в разных комнатах, хотя бы ради собственной безопасности.

Но у Сы Юэ не хватило бы духу предложить такое.

Ему казалось, что нынешний Бай Цзянь и обычный Бай Цзянь — два разных человека. Вернее, один и тот же — но не совсем. Во время атавизма проступала его изнанка, или, точнее, та сторона, которую он не хотел показывать и всегда подавлял в себе.

Бай Цзянь обнимал Сы Юэ, а тот покорно стоял в его руках, глядя, как закатное солнце медленно погружается за горизонт, оставляя лишь призрачную полосу света.

А почти полная луна уже с полудня тихо поднялась на противоположном краю неба.

Дядя Чэнь показался из задней двери с охапкой пионов.

Увидев эту сцену, он на мгновение замер. Не успев прийти в себя, он потревожил безмолвного до сих пор русала. Бай Цзянь поднял голову, и его тёмный, недовольный взгляд впился в дядю Чэня.

Старый дворецкий ощутил себя в когтях хищника.

Горло сдавило.

Но прежде чем что-то произошло, между ними возникла белая преграда.

Сы Юэ прижал голову Бай Цзяня к своей груди, повернулся и тихо сказал:

— Идите к себе, пожалуйста.

Дядя Чэнь чуть нахмурился, в глазах мелькнула тревога:

— Будьте осторожны.

Когда Бай Цзянь снова поднял голову, силуэт дяди Чэня уже растворился в дверном проёме между столовой и гостиной. На ближайшем комодe стоял оставленный им букет бело-розовых пионов.

Прошло около получаса, прежде чем чешуя за ушами Бай Цзяня окончательно исчезла. Когда он мягко потянул Сы Юэ сесть рядом, тот понял: Бай Цзянь вернулся к нормальному состоянию.

Сы Юэ выдохнул с облегчением и откинулся на диван:

— Ты ещё помнишь, кто я?

Нежный взгляд Бай Цзяня в лунном свете казался ещё мягче. Никто не включил свет ни раньше, ни сейчас. Был тот сумеречный час, когда день уже кончился, а ночь ещё не началась.

Он подался вперёд и щёлкнул торшером у дивана.

Свет залил всё вокруг, и лицо Сы Юэ в этом свете показалось мертвенно-бледным.

— Я тебя напугал? — Бай Цзянь слегка нахмурился.

— Я-то в порядке. Дядю Чэня ты напугал, — Сы Юэ сказал как есть. Кроме первых нескольких минут, когда сердце и правда бешено колотилось, потом он быстро успокоился. Бай Цзянь не причинит ему вреда. Осознав это, Сы Юэ мог встретить любую перемену хладнокровно, каким бы Бай Цзянь ни стал.

Во время атавизма сохранять человеческую рациональность — невероятно трудно, иначе атавизм не имел бы смысла. Даже Бай Цзянь не мог противостоять законам природы: разум его трещал по швам, свирепость и жестокость зверя, скрытые в глубинах генов, готовы были хлынуть наружу в любую секунду. Собственничество по отношению к спутнику жизни было столь же очевидным — он не позволял даже дяде Чэню приблизиться.

— Завтра после обеда я пошлю с тобой водителя, переночуешь где-нибудь в другом месте. Когда завтрашняя ночь пройдёт, я приеду за тобой, — Бай Цзянь разгладил складку на рубашке Сы Юэ. — Если ты останешься дома, я всё время буду тебя искать.

По запаху — стоило Сы Юэ оказаться где-то в пределах поместья, зверь находил его с лёгкостью. Где бы тот ни спрятался, хоть в самой незаметной мансарде.

— В обычные дни ещё ничего, но сейчас ты ослаблен и легко подвержен моему влиянию. Находиться рядом со мной тебе только во вред.

Бай Цзянь продумал для Сы Юэ каждую мелочь.

— А ты? — Сы Юэ оцепенел на несколько секунд. — Без меня справишься?

В его подозрительном взгляде было что-то от заносчивого котёнка.

— Справлюсь, — улыбнулся Бай Цзянь. — Раньше всегда справлялся.

— Больше ста лет — всегда так? — Сы Юэ, по правде сказать, плохо представлял, как именно «так». В прошлое полнолуние Бай Цзянь уставил стол щупальцами осьминога, и одно это зрелище уже было мощнейшим шоком — для глаз, для осязания, для всех чувств разом.

Бай Цзянь приподнял бровь:

— А-Юэ, что это за выражение лица?

Сы Юэ потрогал собственное лицо.

— Ты мне сочувствуешь?

— Не сочувствую, — мотнул головой Сы Юэ. — Просто думаю, что тебе живётся хреново.

—

Свет в гостиной вдруг вспыхнул на полную мощность — кто-то ударил по выключателю. Сы Юэ, ослеплённый внезапной яркостью, обернулся и увидел в дверном проёме тёмный силуэт.

Тот шагнул в свет, и Сы Юэ, привыкнув к освещению, узнал Бай Лу.

— Вы чего без света сидите? — Бай Лу нёс несколько бумажных пакетов. — Второй брат уехал — менеджер позвонил. Не смог со мной пообедать. Купил мне вкусностей и отправил домой.

Нисколько не смутившись тем, что, возможно, помешал Сы Юэ и Бай Цзяню, он подошёл и плюхнулся вплотную к Сы Юэ:

— Ох, устал.

Бай Цзянь поднялся:

— Мне ещё нужно поработать. А-Юэ, ложись пораньше.

Сы Юэ кивнул.

Бай Лу проводил взглядом удаляющуюся спину брата и прижал руку к груди:

— У брата сейчас что-то не так, да? — Русалки были чувствительны к запахам — не к тем, что

мог учуять человеческий нос, и даже не к тем, которые можно описать словами. Только сородичи могли их различать.

— Мне тяжело дышать рядом с ним. Пересяду-ка я на тот диван. — Бай Лу перескочил на противоположный диван. Его мордашка тут же расцвела: — А-Юэ, я тобой восхищаюсь. Ты совсем не боишься моего брата.

— На, держи, кусочек тортика. — Он вытащил из кармана ломтик миллефея.

Сы Юэ не любил сладкое, а теперь и подавно.

Даже с фруктами и мукой молочный привкус нельзя было перебить, а мучное казалось ему до оскомины сухим. Но отказать Бай Лу напрямую рука не поднималась — тот был слишком искренним. Сы Юэ взял кусочек, отломил вилкой крошечный кусочек, положил в рот, выслушал несколько минут болтовни Бай Лу, но так и не смог заставить себя проглотить.

— Второй брат такой занятой! Обещал поужинать со мной, а потом один звонок — и его нет. А-Юэ, это, по-твоему, карьеризм?

— А-Юэ, знаешь, ты стал красивее, чем когда только приехал. Что это с тобой?

— А-Юэ, у тебя хвост уже начал расти? Больно, наверное?

— Правда белый? Такого же цвета, как чешуя, что была на шее в тот раз?

Вопросы сыпались нескончаемо — у Бай Лу был миллион «почему».

Сы Юэ наклонился и выплюнул в мусорку растаявший во рту крем, вытер губы салфеткой:

— Откуда в тебе столько вопросов?

— Интересно же! — Бай Лу ел торт без вилки, обеими руками, и половина лица была измазана кремом и крошками. — А-Юэ, тебе было очень тяжело во время превращения?

Сы Юэ выпил несколько глотков воды, прополоскав рот от молочного привкуса, шибанувшего аж в темечко, и лишь тогда неторопливо ответил:

— По-моему, терпимо. — Боль он всё равно забывал сразу после.

— А когда чешуя растёт — это больно?

— Нет.

— А на каком месте первая чешуя появилась?

— За ушами.

— А помимо генов брата, ещё что-нибудь помогает? Ну, лекарства, например, или...

Сы Юэ вспомнил пробирку с генами Прародителя, которую Бай Цзянь ему показывал. Но рассказывать об этом, вероятно, было нельзя. Он опустил взгляд на вазу с фруктами на столике:

— Нет, ничего больше. Всё благодаря Бай Цзяню.

— А-а... — Бай Лу слизнул крем с уголка губ и задумался.

Теперь была очередь Сы Юэ спрашивать:

— Как вы с Чжоу Вэньсяо успели так сдружиться?

— В смысле «успели»? Мы всегда хорошо ладили! Он меня лечит — конечно, он хороший, — Бай Лу свернулся калачиком на диване, запихивая в рот торт огромными кусками. — М-м-м, сладко, вкусно!

Глядя на его пищевое безумие, Сы Юэ нахмурился:

— Много сладкого вредно для здоровья. Знай меру.

— Но я всё время голодный! Папа Чжоу сказал, что нельзя ограничивать мне еду — надо хорошо питаться, чтобы быстрее поправиться! — заявил он с полной уверенностью в своей правоте, ещё и сославшись на Чжоу Вэньсяо.

Только Бай Лу говорил невнятно, с набитым ртом, и Сы Юэ недоумённо переспросил:

— «Помамою» — это кто?

— Папа Чжоу. Чжоу Вэньсяо, директор Чжоу.

— Ты его ещё и папой зовёшь?

— Ну он же меня вылечил!

— Логика у тебя хромает.

— По-моему, отличная логика.

Сы Юэ отпил воды и устыдился того, что вообще полез спорить с Бай Лу о логике.

— Ладно. Если почувствуешь себя плохо — сразу говори мне или дяде Чэню. — Сы Юэ скинул тапочки и завалился на диван. Он хотел добавить, что можно обращаться и к Бай Цзяню, но, вспомнив его нынешнее состояние, понял: тому до Бай Лу дела нет. Русалки все такие.

— Ладно! — Бай Лу самозабвенно грыз торт.

Сумерки сгустились, луна повисла высоко в небе.

В особняке семьи Цзян.

Вэнь Хэ проводила последних гостей, пришедших выразить соболезнования, вместе со своей подругой Мэн Ланьчжи и теперь отдыхала в гостиной. Домработницы и управляющий разбирали вещи и сверяли списки посетителей.

Мэн Ланьчжи сняла с груди белую хризантему и увела Вэнь Хэ в главную спальню на втором этаже.

Её руки дрожали. Она включила телевизор и открыла видеозапись.

Вэнь Хэ поначалу недоумевала, что на неё нашло, но, увидев, что воспроизводится на экране, замерла.

Это была запись с камеры наблюдения в холле особняка Цзянов.

Настолько высокое разрешение, что видны были поры на лице, — а значит, и боль Мэн Ланьчжи увеличивалась многократно.

Её собственный сын убил её мужа. Сын пропал без вести. А самым жутким были серо-белые чешуйки, медленно расплзающиеся по юношескому лицу.

— Это что... Сяо И? — Вэнь Хэ обрела голос, хотя он дрогнул.

— Я думала несколько дней и решила всё-таки тебе рассказать. Если не тебе — я не знаю, кому ещё, — А-Хэ, что мне делать? Мне искать Сяо И? Он вернётся? — Мэн Ланьчжи не спрашивала, звонить ли в полицию. Это было невозможно, и обе это понимали: она не стала бы сдавать собственного сына.

— А-Хэ, что мне делать? Это же Сяо И... Он не выходит на связь, не появляется в компании. Телефон Янъяна не отвечает, Сюйюй мямлит что-то невразумительное. Пожалуйста, спроси А-Юэ — может, он знает, где Сяо И?

Меньше чем за неделю глаза этой знаменитой на весь Цинбэй светской львицы провалились, виски тронула седина, а осунувшееся лицо прибавляло ей лет десять, не меньше.

Когда позвонила Вэнь Хэ, Сы Юэ уже собирался спать.

Вэнь Хэ видела чешую на шее сына. Она была, конечно, гораздо красивее, чем та, что покрывала лицо Сяо И, но суть одна: и то, и другое — рыба чешуя, которой полагалось быть лишь у расулок.

Вэнь Хэ стояла в коридоре, прижав телефон к уху, и тихо спросила:

— А-Юэ, ты что-то скрываешь от мамы?

Сы Юэ мысленно отдал должное её уму. Если бы Вэнь Хэ спросила в лоб, где Цзян Шии, он бы отделался «не знаю» и «понятия не имею». Вэнь Хэ это прекрасно понимала, поэтому ударила прямо в цель: скрывает ли он что-то от неё.

Сы Юэ, при всей его внешней бунтарской натуре, был мягкосердечен и добр. Она верила, что он её не обманет.

— Я думал, тётя Мэн вам ничего не расскажет. — Этот звонок пришёл позже, чем Сы Юэ ожидал. Он полагал, что Вэнь Хэ позвонит в тот же день, когда уехала из дома Бай, но разговор задержался на несколько дней — видимо, Мэн Ланьчжи решила только после похорон.

— Я не могу вам рассказать, — Сы Юэ запустил пальцы в волосы, ероша их. — Считайте, что Цзян Шии умер. Не вдавайтесь в подробности, и тёте Мэн скажите то же самое.

Вины Сы Юэ в этом не было, но всё случилось из-за него.

Мэн Ланьчжи, как мать Цзян Шии, не могла не винить Сы Юэ хотя бы отчасти.

Тем более, стоит ли посвящать Мэн Ланьчжи в подробности — об этом нужно спрашивать самого Цзян Шии.

Вэнь Хэ не стала допытываться. Поинтересовавшись, как у Сы Юэ дела, и получив успокаивающий ответ, она повесила трубку. Сы Юэ шумно выдохнул. Врать он не умел, а уж врать Вэнь Хэ — тем более, поэтому лучше было сказать прямо: он не может открыть ей правду. А как объяснять Мэн Ланьчжи — это уже дело Вэнь Хэ.

Мэн Ланьчжи вышла замуж за Цзян Цзиня через два года после окончания университета. Одна — любящая мать, другой — суровый отец, но требования к Цзян Шии у обоих были одинаково жёсткими — просто роли распределялись по-разному. В детстве Цзян Шии ещё тянулся к «доброй маме», но когда раскусил, что она заодно с «суровым отцом», постепенно закрылся и общался с ними всё меньше.

Повесив трубку, Сы Юэ долго лежал, уставившись в потолок. Сонливость нахлынула точно по расписанию.

Он обнял одеяло и, покатавшись по кровати, так и не нашёл удобного положения.

В полудрёме ему приснился сон.

Ему снилось, что огромный чёрный рыбий хвост обвил его талию и ноги. Мощное сжатие было абсолютно нечеловеческим — ни сдвинуть, ни оттолкнуть. Чешуйки на хвосте, острые как лезвия, резали кожу на ногах, а хвост, дюйм за дюймом стягиваясь, словно намеревался переломить обе ноги разом. Скорее не обхват хвоста — а удушающие кольца лесной анаконды.

В этом сне он, кажется, уже задыхался. Сы Юэ рывком открыл глаза.

Темнота. За окном — ледяной, как иней, лунный свет.

Чёрный силуэт у кровати заставил его вздрогнуть. Весь сон слетел мгновенно.

Когда глаза привыкли к темноте и он различил черты лица, бешеное сердцебиение наконец утихло. Сы Юэ раскинул руки:

— Закончил работать?

Бай Цзянь опустил колено на кровать. Его аура была почти осязаемо давящей.

Он лёг рядом и, как само собой разумеющееся, притянул Сы Юэ к себе:

— Я думал, ты уже спишь.

— Почему проснулся?

Сы Юэ ещё не отошёл от кошмара:

— Мне приснилось, что ты задушил меня хвостом.

Бай Цзянь тихо засмеялся:

— Это сон. — Наяву Бай Цзянь так не поступил бы.

Рука Сы Юэ нырнула под одеяло и легла на тазовую кость Бай Цзяня. Пальцы прикинули размер:

— Кстати, русалка своим хвостом правда может задушить человека?

— Задушить?

— Ну да, обвить, как змея.

— Это трудновато, — голос Бай Цзяня звучал терпеливо и нежно. Его пальцы рассеянно массировали красиво выступающую лопатку Сы Юэ. — Русалки и люди — по сути, близкие виды. Подавляющее преимущество русалки имеют только в воде. А хвост недостаточно длинный, чтобы обвиться; нет длины — нет и силы.

— А прихлопнуть?

Ледяные пальцы Бай Цзяня заставили Сы Юэ невольно поёжиться.

— Раз уж речь о воде — зачем такие сложности? Достаточно уткнуть под воду. Рано или поздно кислород закончится. — Бай Цзянь говорил неспешно, с неуловимой усмешкой. Сы Юэ вспомнил тех мажоров: люди не способны дышать под водой, и стоит затащить их на глубину, никаких приёмов не нужно — стопроцентный результат.

Сы Юэ уткнулся лицом в шею Бай Цзяня:

— Спать хочу. — Тема была дурацкой и оставляла ощущение себя в роли рыбы на разделочной доске.

Холодные пальцы русалки сжали его подбородок. Знакомый влажный, прохладный запах хлынул навстречу.

Тело Сы Юэ непроизвольно дрогнуло.

Ну вот, теперь он точно стал рыбой, а Бай Цзянь — разделочным ножом.

— А-а... — Сы Юэ послушно приоткрыл рот.

—

Долгая пауза. Никакого продолжения. Сы Юэ, заинтригованный, открыл глаза. В морозном

белом свете луны он увидел не мягкие черты лица Бай Цзяня, а вставшие торчком чёрные ушные плавники. Лунный свет обрисовал их кромки холодным серебряным контуром.

!

Сы Юэ инстинктивно оттолкнул Бай Цзяня.

Едва рука вытянулась, он тут же пожалел. Такой отталкивающий жест для Бай Цзяня в этом состоянии мог означать... спусковой крючок для безумия.

Как он и предчувствовал.

Ровное дыхание Бай Цзяня прервалось на две секунды.

Из горла вырвалось недовольное шипение — низкое, хриплое, до ужаса похожее на рык лесного зверя.

Сы Юэ почувствовал, как каждый волосок на теле встал дыбом.

— Бай Цзянь?

Он неуверенно окликнул его.

Надеясь, что в Бай Цзяне ещё осталась толика его собственного рассудка.

Тишина длилась долго. Наконец, под аккомпанемент всё тяжелеющего сердцебиения Сы Юэ, Бай Цзянь тихо отозвался:

— Мм.

Рука Сы Юэ медленно поднялась и легла на лицо Бай Цзяня. Впервые в подобный момент он коснулся его по собственной воле. Прошлый раз — прошлый раз не считается, прошлого раза не было.

Русала, казалось, это успокоило. Опасная аура постепенно угасла. Он притянул хрупкого человека к себе, вдохнул знакомый запах и поцеловал кромку уха.

Его поцелуи становились всё горячее.

От мочки к щеке, к кончику носа, к каждому изгибу лица, и лишь потом — к губам.

Сы Юэ понятия не имел, когда уснул. Но точно знал, что закрыл глаза в объятиях Бай Цзяня.

Когда он проснулся, было уже светло, а Бай Цзянь давно встал.

Пижама на нём была другая — свободная рубашка, явно не его. Принадлежала Бай Цзяню. Сы Юэ не носил такие деловые сорочки — строгие, скучные, ни капли дизайнерской мысли.

За последнее время он заметно похудел, поэтому рубашка висела. И была длинной — главным образом потому, что Сы Юэ был на полголовы ниже Бай Цзяня.

Брюк не было.

Подол рубашки прикрывал всё, что следовало прикрыть.

В гардеробной Бай Цзяня ничего подходящего для Сы Юэ не нашлось. Он открыл шкаф и тут же отбросил идею найти себе штаны: домашние — уродство, спортивные — уродство, бесконечные классические брюки — все на одно лицо, не отличишь.

Так он и стоял в ванной, чистя зубы и умываясь. Лениво закатал рукава, нагнулся набрать воды — и только тогда заметил бледно-синеватые следы на ногах. От внутренней стороны коленей и выше — как будто кто-то крепко стискивал.

Он посмотрел на них, а потом перестал думать на эту тему. В конце концов, от Бай Цзяня в эти два дня можно было ожидать чего угодно. Не сам же он свои ноги грыз.

Выходя из ванной, он столкнулся с Бай Цзянем, который нёс ему пару джинсов. Увидев Сы Юэ — одного, в одной рубашке, босиком — Бай Цзянь на мгновение задержал взгляд.

— Откуда ты узнал, что я проснулся? — Сы Юэ как ни в чём не бывало подошёл к нему, выхватил джинсы и принялся натягивать. Движения уверенные, лицо спокойное, голос — тоже.

Бай Цзянь увидел, что Сы Юэ покачивается, и придержал его:

— Слышал снизу.

Сы Юэ поднял глаза:

— Ты что, весь день подслушиваешь, чем я занимаюсь?

—

— Следить за твоим состоянием — моя обязанность, — невозмутимо ответил Бай Цзянь.

Сы Юэ застегнул джинсы, подёргал пояс:

— Велики.

— А какой у тебя был обхват? — Тонкая летняя рубашка была белой. Когда Сы Юэ умывался, на неё попали капли, и ткань стала прозрачной аккурат на ключице. Кость выступала, образуя глубокие впадины с тенями.

— Забыл, — Сы Юэ ущипнул себя за бок. — Кубиков скоро не останется.

Пресс от худобы — это не пресс, это обман.

Бай Цзянь потрепал его по макушке:

— Когда превращение завершится, я буду кормить тебя лично.

— Пойдём завтракать. Поешь — и я отправлю тебя. — Бай Цзянь достал из шкафа ремень, подошёл и застегнул на Сы Юэ. Заметив на его лице гримасу отвращения, спросил: — Что?

Сы Юэ:

— Уродский какой-то.

Пропасть в несколько столетий — пожалуй, глубже, чем самая глубокая океанская впадина. Что уж говорить о разнице вкусов.

Эстетика девятнадцатилетнего парня и эстетика Бай Цзяня — два полюса, дальше некуда.

Встал он уже в обед и сразу сел обедать.

С того момента, как он спустился, Бай Лу не сводил с него глаз.

— Чего уставился? — спросил Сы Юэ.

Бай Лу, держа Жуся на руках, стащил с тарелки Сы Юэ блинчик с морепродуктами, откусил и поморщился. Повернулся к вышедшей из кухни тётушке Линь:

— Рыбой пахнет.

Тётушка Линь опешила:

— Я же убирала запах... Откуда? Молодой господин А-Юэ сказал, что не пахнет.

Сы Юэ прихлёбывал кашу:

— Ты когда это научился рыбу по запаху определять?

Бай Лу почесал затылок и перевёл тему:

— Брат сказал, что тебя сегодня дома не будет.

— Угу. Вернусь завтра.

Бай Лу, конечно, прекрасно знал причину. Он снова почесал голову:

— А без тебя брат меня не порвёт и не съест?

—

Бай Лу, разумеется, мечтал увязаться за Сы Юэ, но он был ещё в периоде восстановления. Дома ему было безопаснее. Два врача, сопровождавшие Сы Юэ, были приставлены именно к нему, и даже если бы никаких проблем не возникло, они обязаны были быть рядом.

Если бы к ним добавился Бай Лу, при внештатной ситуации они бы не справились; к тому же они не до конца знали историю его болезни и не смогли бы оказать ему квалифицированную помощь. Так что Бай Лу лучше было остаться.

Поэтому Бай Лу липнул к Сы Юэ до последнего. Впрочем, он и так всегда липнул, и Сы Юэ к этому привык.

За окном потемнело.

С утра солнце светило тускло, а после обеда и вовсе исчезло. Небо стало свинцовым, тучи давили сверху, но дождём вроде не пахло — просто было мрачно.

— Наверное, пойдёт дождь, — дядя Чэнь, оценив погоду, протянул Сы Юэ ветровку.

Сы Юэ накинул куртку, кое-как затянул пояс и на ходу попрощался с Бай Цзянем:

— Всё, иди, иди обратно.

Он делал вид, что расставание его ничуть не волнует.

Бай Цзянь улыбался, глаза — бесконечно мягкие, а за ушами уже одна за другой проступали чёрные чешуйки. Он взял Сы Юэ за руку и нежно сжал мизинец:

— Береги себя.

— Буду, буду, — Сы Юэ попытался высвободить руку. Не вышло.

— Тебе не холодно? — снова спросил Бай Цзянь с улыбкой.

Сы Юэ слегка озадачился его тоном и поведением:

— Да вроде нормально...

Двое врачей уже собрали снаряжение и подошли:

— Можно ехать... — Фраза оборвалась: недосказанное захлебнулось под чернильным взглядом Бай Цзяня.

Сы Юэ краем глаза уловил, как оба врача окаменели — и шаг, и мимика.

Он медленно перевёл глаза на лицо Бай Цзяня.

Зрачки, в которых не осталось ни проблеска радужки, — сплошная непроглядная чернота, — не мигая, впились в Сы Юэ.

Сы Юэ сглотнул. Он понял: никуда он сегодня не уедет.

<http://bllate.org/book/14657/1301560>